

LAHJA

To Lönnquist

Г. В. Ксенофонтов

ШАМАНИЗМ

Избранные труды

(Публикации 1928 — 1929 гг.)

Творческо-производственная
фирма «Север-Юг»
1992 год

дываться, потом попятились назад. Но стоящий у костра говорил:

«Что же ты стоишь, подойди! Разве ты не мой сын Юкэс (имя)»?

Последний ответил:

«Я прибыл, чтобы собрать и сохранить тело убитого».

«Нет, я воскрес! С неба спустился Сюю Хан (обычно говорят, что С. Х. — особый бог грома и молнии, но, по-видимому, это — иное наименование бога Уордаах-Джэсегёйя, т. н., — предка конного скота) и приверг мое тело рассеканию. Теперь я восстал уже шаманом и вижу вокруг все то, что совершается на расстоянии 30-ти верст. Моего брата Багарах'а одновременно подверг рассеканию в местности Куогал и мы оба стали шаманами».

С тех пор оба брата, действительно, стали шаманами. Шамана Багарах зовут еще «Тимир Чарапчылаах» (носящий на плечах железный козырек). Он носил козырек потому, что его взора не переносили ни люди, ни скот. (Умирали от его взгляда).

Бюкэс Юллэйээн перешел к Бёртюнскому наслегу (Мальжег.) и считается предком рода Джараас, а Багарах перешел к Тиит-Аринскому (4-ый Мальжег. нас.), где он является предком фамилии Аркадиевых.

Оба шамана и их отец Джаарын похоронены на арангасах. Арангас последнего возведен на 9-ти столбах, а Бюкэс Юллэйээн на 12-ти столбах, из которых шесть обделаны растущих деревьев, а шесть вкопанные столбы. Арангас Бюкэса покрыт тесом и имеет разное украшение.

Этот арангас был «поднят» (т. е. возобновлен) два раза. В дальнейшем он должен быть поднят еще раз, а на четвертый, когда могила спниет и свалится, кости шамана погребутся в земле.

Егоров Семен Алексеевич 70
1-го Чочуйского наслега
Верхне-Виллюйского улуса.
28 февраля 1925 г. г. Виллюйского улуса.

5. Шаман — воскресший после смерти.

В Дюллюкюнском наслеге, по существующим рассказам, когда-то жил один шаман, которого называют Юктючю. О нем говорят, что он умер и воскрес. Подробностей рассказа о нем я не удержал в своей памяти. Наверное, там на месте его родины рассказали бы об этом подробнее. Я слышал только от одного шамана, насколько помнится, было не похоже на обычные рассказы о шаманском «эттэнии». Дюллюкюнский наслег находится в Удюгэйском улусе. В той стране шаманов много.

Марков Николай Васильевич 59 лет,
1-го Мальжегарского наслега,
Зап.-Қангаласского улуса.
12 января 1925 г. Джобулга.

6. Шаманская болезнь

(Рассказ больного, одержимого «шаманскими духами»).

меня в роду шаманов нет. Моя болезнь приключилась в декабре. Месяц тому назад я поехал через реку в лес на восточный берег (Лены) — срубить и привезти дров. На обратном пути сильно продрог и едва добрался до дома. С этого момента начал хворать и лежал на постели. Сначала лихорадило, а потом 5—6 дней продолжался сильный жар. В эти дни мне казалось, что я куда-то качусь колесом в одну сторону, а потом перекачываться в обратную сторону. Видимо, сильно кружилась голова.

Затем я помню: стою на восточном рукаве Лены (зимой покрытом льдом). В старину в нашем Джобулгинском наслеге жил шаман Сюёдэркэ. Вдруг вижу — является он в сопровождении старухи «мэнэрээчки» (истерически воспевающая от имени духов); у них продольная пила. Поймали меня. Шаман Сюёдэркэ говорит:

«Мы прочищаем дорогу, ведущую в нижний (подземный) мир, ты будешь помогать нам в этой работе!»

Я отказываюсь и говорю им:

«Я постоянно держу в мыслях мое божество («ыйыбын, тарарын саны сыльабын») и быть шаманом не желаю!» Но они помимо моей воли насильно вручили ручку пилы и заставили работать. Мы пилили будто лед (торчащий торчком) и прокладывали по льду дорогу к северу. В восьми верстах севернее от нас, на правом берегу Лены есть начало пешей дороги, под названием «Еспёрююн аартыга». Как мне казалось, прочищая глыбы тороса, мы добрались до этого места.

Здесь шаман Сюёдэркэ сказал:

«Теперь мы пойдем на остров Тарагай». (Соседний остров, расположенный недалеко от местожительства рассказчика).

Пошли на тот остров. Там вместе с шаманом поднялись на скалу. Впереди меня стоит шаман (тот же), на нем камышовый плащ, в руках держит бубен. Стоит, обратившись спиной на восток, а я стою сзади. Шаман говорит мне:

«Я тебя сделаю шаманом, уведу на верх на расстояние в девять «олохов»! (Шаманские переходы и места остановки).

В этот момент над нашей головой раздался какой-то шум и треск. Я поднял глаза и вижу: валится звезда «чолбо» (передвигающиеся звезды). Я спрашиваю у шамана:

«Что это валится?»

Он отвечает:

«Это валится шаман Кюстэх!»

Последнего я помню: он был из Бёгтюнского наслега и умер давно.

Кюстэх шаман спустился как раз у основания той ели, где стояли и мы. Оказывается, он был верхом на горной козе (чубуку), у которой копыта были обращены назад.

Спустившись, шаман Кюстэх поздравил к себе Сюёдэркэ и сказал ему:

«Я девять веков простоял, превратившись в звезду-чолбо и весь высох. Ты не вправе взять этого человека, который предназначен для меня. Я сам принимал участие в его зародении, воспитал его с малых лет!»

Мы оба спустились с ели. Кюстэх сказал другому шаману:

«Отдай спутнику свой камлальный плащ и бубен!»

Сюёдэркэ, не возражая, снял свое облачение и передал мне. Я облачился в его одежду.

После этого Кюстэх сказал мне:

«Ну, теперь поднимись на круп вот этого животного!»

На спине животного был какой-то черный и мягкий нарост. Я стал позади этого нароста.

Дальше я помню: с шаманом Кюстэх мы очутились на вершине скалы, что на западном берегу Лены. У шамана тогда оказался камлальный плащ и бубен. Он, обращаясь ко мне, сказал:

«Теперь мы поднимемся на верх — на трижды девять олохов!»

Обернувшись назад, я заметил: за нами стоял шаман Тотто, тоже в камлальном облачении. (Семен Митрофанов — живой шаман из одного наслега с рассказчиком).

Кюстэх обратился к последнему с вопросом:

«Ты, шаман Семен, разве в силах добраться через трижды девять олохов? Стоишь с намерением подняться?»

Но Семен в ответ не издал ни звука. (Дословно — «не слышал ни белого, ни черного»).

После этого Кюстэх подошел к самому обрыву скалы, перешагнул через Лену на гору восточного берега. Там, как я заметил, начал плясать на горе Еспёрююн-Аартыга.

Дальше, по-видимому, и я по следам шамана перешагнул через Ленские острова и очутился около Кюстэха... Вот тогда оба с пляской стали подниматься в верхнюю страну, слы-

как будто по земле... Я то и дело пытаюсь опередить шамана, заходя то с правого, то с левого боку. Спрашиваю у него:

«Разве ты не в силах идти быстрее этого?»

Мне кажется, что он двигается медленнее, чем мог бы я. Шаман ответил:

«Моя побежка не больше этого. Если хочешь, заходи вперед и держись впереди огней моего зрения!»

Я опередил шамана. Далеко впереди сияли два огня. Едем, пляшем. (Пляска в шаманской символике обозначает езду)... Кажется, что мы летим. Вот я добрался до девятого «олоха». До того пролетел через темную страну и очутился в райски светлой стране. С разных сторон подошли люди и вопрошают:

«Куда это ты направляешься?»

Я им говорю:

«Меня ведет Кюстэх-Шаман до трижды-девятого олоха, чтобы вместо себя сделать шаманом. Там он хочет испросить согласия своих людей».

Эти люди хвалят меня и говорят:

«Едешь — ты отменный человек!»

Обернувшись назад, вижу — приближается и Кюстэх шаман, его глаза сияют и сверкают будто огни, величиною с небольшой горшок. Он подошел и сел около меня. Затем сказал, обращаясь к собравшимся:

«Вот этого, издавна воспитанного мною ребенка, хотел сделать шаман — Сюёдэркэ. Я взял его и вот веду с собой. Согласны ли вы?» (т. е. сделать его шаманом).

Те люди все отвечают:

«Проезжайте дальше, как же мы не одобрим человека, который превосходит тебя самого?»

Мы с пляской продолжаем путь. Тоже пролетели девять «олохов» и добрались до чистой и светлой страны. Похоже на нашу землю, кругом снег и дороги. Опять отовсюду подошли люди, все, как на подбор, высокого роста. Снова вопрошают — куда мы едем.

Шаман им отвечает:

«Эй, это человек, родившийся в средней земле! Я хочу оставить его вместо себя!»

Люди говорят ему:

«Тебе следует добраться с ним до места, где ты зародился!» («Туруу дойдугар тий!»)

Опять стали подниматься на одну девятку «олохов». Когда приблизились (к конечному пункту), показалась обширная страна, переполненная конным скотом столь многочисленными, что листья на деревьях. Одни из них были молодые

(«новья»), а другие обветшавшие, точно с девятого века до нас.

Я спросил шамана:

«Это что за конный скот стоит тут?»

Кюстэх ответил:

«Разве ты не слышал, что в верхней стране (на небе) со времен седой старины живет Кюннээс-Шаман? Это его скот, который в качестве священного «ытыка» возносится сюда шаманами!»

Весь скот сплошь был голубой масти с темной, крыловидной отметиной на оплечьях. («Сур-джатыл». «Сур» — масть не совсем определенная — сероватая с голубоватым оттенком или темно-голубая).

Проехав эту изгородь, мы добрались, наконец, до трижды девятого олоха, местожительства шамана Кюстэх. Страна была чрезвычайно светлая. Там была большая куча сложенных книг. Во множестве подошли к нам люди, неясные как тени, и тоже спрашивают про меня:

«Что это за человек?»

Кюстэх говорит им:

«Я привел его, чтобы испросить от вас согласия (на то чтобы сделать его шаманом в качестве своего преемника).

Собравшиеся сказали (нам):

«Грехи и преступления на средней земле умножились до бедственных размеров. Там вплоть до нижнего девятого «олоха» царит густая тьма. Средняя земля исказилась, испортилась до неузнаваемости («орто дойду джююлюттэн джюсюнюттэн аасан турар»).

Вы оба возвращайтесь назад и остановитесь на ступени девятого «олоха»! Мы пошлем великое множество шаманов. Они, стоя на девятой ступени, очистят ее (среднюю землю) алтысами (молитвами) от грехов и преступлений и обновят землю, ибо ее исконное предназначение разрушилось так, что там не восходят солнце и луна!»

Мы оба вернулись. Проезжая мимо изгороди, Кюстэх сказал мне:

«Открой ворота этой изгороди, пусть этот конный скот спустится на среднюю землю!»

Я открыл ворота и весь загнанный конный скот вышел из изгороди.

Сделав это, я говорю шаману:

«Ты пустил их в рассыпную. Старец, не наделал ли ты какой-нибудь беды?»

Он ответил:

«Ничего, они раньше тебя спустятся и доберутся до средней земли!»

Мы с шаманом спустились на самую нижнюю ступень и остановились над средней землей. Она была окутана густым мраком, точно находилась среди облака дыма, исходящего от дымокуров.

Когда я (стоя тут) бросил взгляд наверх, увидел великое множество идущих шаманов.

Они все говорили:

«Мы заклинаем и молитвой освящаем среднюю землю, изгоняем ее порчу (джайын джалбарытабыт), очищаем кору ее грязи („кирин, хатын ыраастыбыт“)!»

После этого вид и цвет средней земли стали как будто проясняться. Тогда мы спустились.

Все упомянутые шаманы стали в средней земле шаманами, врачующими болезни. Они говорили:

«В награду за наши труды должны давать один фунт масла или кусок мяса, а кто не имеет их может давать и голову годовалого теленка. Вообще мы должны удовлетворяться всяким даром, не выражая недовольства. Пусть больные принесут нам даже клочок шерсти!»

Они не должны шаманить тем людям, которым предстоит неминуемая смерть, оздоравливают лишь тех, кому не надеется еще умирать.

Дальше помню: когда я спустился на землю, заставили меня (духи шаманов) обойти всю среднюю землю... Видимо летал...

Однажды, когда я пришел в себя, попросил пригласить к себе Петра Иванова (хорошо грамотный и интеллигентный) и рассказал ему все это.

(Дальше рассказывает мало интересные бредовые видения — путешествие в Америку, где — большие корабли, в Китае и проч.).

По словам моих домочадцев, во время болезни я, лежа, все время бормотал, как будто с кем-то разговаривал.

(По словам Петра Иванова, больной, признав его, рассказал свои видения и говорил, что он должен стать шаманом вместо давно умершего известного шамана Кюстэх, что будто в средней земле умножились грехи и что он должен их очистить. Затем говорил, что на небе для него приготовлена манская одежда с золотыми побрякушками и бубном. Такой вид его был ненормальный, зрачки расширенные.

Чтобы успокоить больного, он посоветовал сыну его найти

шаманскую одежду. Потом больной пытался шаманить, чтобы вознестись на небо за шаманской одеждой. Но домашние уложили его на постель и пригласили шамана совершить над ним камлание, как над больным.

В настоящее время (через месяц) навязчивые идеи как будто прошли и он производит впечатление здорового человека).

Ноев Лука 74 лет,
1-го Мальжегарского наслега,
Зап.-Кангаласского улуса.
Джобулга. Июль 1921 года.

ЛЕГЕНДА О ВОСКРЕСШЕЙ ЖЕНЩИНЕ.

(Идея трехдневной смерти).

В старину в Качикатцах, как гласит о том предание, жил один богатый человек. У него неожиданно умерла жена. Он положил в ее гроб четыре безмена масла («безмен» — мертвого веса) и похоронил через день после смерти. В старину якуты имели обыкновение хоронить мертвеца через день после смерти.

У богача был бедный сосед. Когда богач похоронил жену, бедняк стал ночью разрывать ее могилу, чтобы взять положенное туда масло. Вот, раскапывая, что было мочи, он добрался до гроба и лишь только протянул руку, чтобы взять масло, как покойница вдруг схватилась за полы его ровдужного пальто. Страшно испуганный бедняк пустился бежать. Оказывается, женщина, ожив в гробу, ела масло, положенное сбоку в ее изголовьи.

Женщина, поднявшись из гроба, пошла к воде, умылась, привела себя в порядок. Она боясь напугать мужа, не решилась идти к нему и стала поджидать случая встречи со своими детьми. Действительно, скоро показались ее дети. Она сказала им:

«Идите к отцу и скажите, что наша мать воскресла, что ее, мол, вырыл один человек».

Но муж был человек опрометчивый и скоропалительный: он вообразил, что это должно быть тот самый бес, который причинил (дословно — «пожрал») ей смерть, шляется, прижав ее образ. Схватив лук и колчан, он тотчас же пошел. Видит — пред ним его жена. Обрадовавшись, поцеловались. Муж спрашивает:

«Кто это мог догадаться разрыть твою могилу? Не заметила ли ты на нем какую-либо особую приметку?»

Жена отвечает:

«Он был в ровдужном пальто, я замасленными пальцами схватилась за его полы. Наверное, на полах пальто остались следы моих пальцев!»

Услышав рассказ жены, муж пошел к соседу и спрашивает:

«Не ты ли разрыл могилу моей жены?»

Когда тот стал отпираться, он произвел обыск и разыскал его ровдужное пальто со следами замасленных пальцев. Поблагодарил его за то, что он воскресил умершую, и тут же выдал ему половину своего богатства. Тогда лишь бедняк повинился и сказал:

«Я решился на это потому, что мне было очень обидно: у меня живого человека, нет ни крупинки масла, а у мертвой так много!»

С той поры, говорят, якуты завели обычай — всякого мертвеца хоронить только через три дня после смерти (ибо до этого срока не исключена возможность воскресения).

Идея богоотцовства

Ильин Николай 73 лет,
2-го Одуинского наслега,
Зап.-Кангаласского улуса.
Август 1921 года.

1. Сын бога Улуу-Тойона. (Великого повелителя).

Когда-то в глубокой древности в Атамайцах (Намский улус) жил человек громадного роста и невероятной силы, звали его Лукапыар. Однажды он ехал верхом. Вдруг с запада поднялась темная туча и оттуда послышались слова песни. Удя по голосу, пела женщина:

«Иччилээх кыыннаах,
Идэмэрдээх бысахтаах.
Сыалаах эт сымсахтаах,
Хааннаах эт бэлэнниктээх —
Лукапыар обурту!
Айбыт аганг,
Улуутуйар Улуу Тойон,
Аналлаах-минэллээх,
Асылык онгостор быагын
Аганг ытта!»

С Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	5
Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов	35
Хрестес. Шаманиз и христианство	111
Культ сумасшествия в урало-алтайском шаманизме. (К вопросу об «умирающем и воскрешающем божестве»)	249
Пастушеский быт и мифологические воззрения классического Востока	267